

СИГИЗМУНД
КРЖИЖАНОВСКИЙ

Штрихадунтан катогорни рассуока

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

Дымчатый бокал

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178402
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18798-7*

Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

Сигизмунд Кржижановский

Дымчатый бокал

– Может, вам угодно посмотреть коллекцию старинных монет? Нумизматы хвалили. Или...

– Вы хотите, чтобы я купил у вас деньги, давно потерявшие способность покупать? Лучше...

– Тогда посмотрите мою коллекцию миниатюр. Если вы возьмете лупу...

– Скажите, а что это за бокал, вон там – слева, на полке?

– Угодно взглянуть? Сию минуту.

Антиквар, сдвинув черную шапочку с лысины на лоб, приставил к полке лесенку – и бокал, мерцая дымчатым стеклом, стал своей круглой прямой ножкой поверх прилавка.

– Странно: он как будто не пуст. Что в нем?

– Вино. Как пристало бокалу. Тысячелетней выдержки. Рекомендую. Пыль мы снимем вот этой ложечкой работы венецианского Мурано.

Посетитель антикварной лавки приподнял бокал за тонкую ножку, держа его меж окном и глазом: за дымчатым стеклом была темная дымчатая влага с легким рубиновым отсветом.

Покупатель приблизил бокал к губам и тронул несколько капель. Дымчатая поверхность вина осталась сонной и неподвижной. Во рту терпкий – как укол сотни игл – вкус.

– Похож на укус змеи, – сказал покупатель и отодвинул бокал. – Кстати, мне говорили, у вас есть подбор джайновских статуэток. Я хотел бы... но странно – мой глоток не понизил уровня в этом вот вашем бокале.

Губы антиквара виновато раздвинулись, обнажая золотые пломбы:

– Видите ли, бывают, пусть в сказках, не только неразменные червонцы, но и невыпиваемые бокалы.

– Странно.

– О, слову «странно» не грозит безработица в нашем мире.

– И вы продаете этот бокал?

– Если в хорошие руки: может быть.

– Сколько вы хотите?

Антиквар выдернул из-за уха карандаш и написал на прилавке.

– Это моему кошельку не по силам.

– Хорошо. Я перечеркну ноль справа. Главное: в хорошие руки. Разрешите завернуть?

– Пожалуйста.

Покупатель вышел из лавки. В правой руке он держал бокал, обернутый в бумагу. Мимо него прошел человек с глазами, заплатанными дымчатыми стеклами консервов. Кто-то задел локтем о локоть: на бумаге у донца бокала проступили темно-красные пятна. «Пролил», – подумал человек и пошел вдоль стен домов, оберегая покупку от толчков.

Однако, когда он пришел домой и развернул хрусталь, бокал был по-прежнему полон до краев, хотя по круглой ножке его и скользили расплеснутые капли.

Человек, ставший собственником невыпиваемого бокала, не сразу приступил к испытанию своей покупки. День скользил по откосу вниз. Солнце падало в закат. Вскоре сумеречный воздух стал под цвет тонконогому стеклу. Человек взял молчаливый бокал в пальцы правой руки и приблизил его к губам. Терпкое вино ожгло губы. И отодвинутый бокал стоял снова – полный до краев, прижимаясь рубиновой влагой к верхней золотой каемке стекла.

Первые дни одноногий гость, вшагнувший своей круглой стеклянной пяткой в жизнь любителя раритетов, вел себя скромно и почти добродушно. Отдавая глотки, он тотчас же аккуратно задергивался винной влагой по самый золоченый краешек своего стекла. Он умел быть разнообразным: один глоток давал чувство пряной неги, другой – ядовитыми иглами вкалывался в язык, третий – опутывал мозг в дымчато-алую паутину. Бокал стал вскоре для человека, приобретшего его, чем-то вроде вкусовой лампы. При свете его кровавящихся капель человек читал и перечитывал свои книги, делал наброски в тетрадах. Опорожненный почти до дна, бокал тотчас же наполнялся по золотой край, снова предлагая себя губам. Человек стал пить... Он запрокидывал бокалу прозрачную пятку раз за разом. В мозгу плясали рдяные капли. Мысли ударялись друг о друга, рассыпаясь огненной

пылью искр. Опорожненная влага восходила вновь, как восходит солнце, казалось бы, наповал убитое закатом и погребенное ночью. Человек пил при свете дня, при свете луны и в тьме безлуны. Стекло цокало о зубы: «Еще и еще!»

Однажды человек, засыпая, опрокинул бокал. Наутро, проснувшись, он увидел всю комнату залитой темно-красной жидкостью. Жидкость, дыша терпким винным дыханием, подступала к свесившемуся краю одеяла. Посреди комнаты, тычась о ножки стола, плавал ночной туфель. Снизу, из соседской квартиры, пришли узнать, в чем дело: сквозь потолок проступали какие-то непонятные красные пятна. Человек, засунув руку по локоть, с трудом отыскал виноточающий бокал. Он поставил бокал, облепленный винной сукровицей, на стол, и тотчас же вверх, к золотому ободку, вспрыгнула темно-красная влага. Человек выпил залпом и стал приводить комнату в порядок.

Иногда дымчатые грани бокала – особенно после десятка-другого прикосновений к ним – казались владельцу его стеклистым дымком, поднимающимся от костра. Иной раз в золотом ободке, обегающем край стеклянной вгиби, мнилась какая-то смеющаяся золотыми пломбами подлая улыбка.

Однажды – это было в ясный солнечный день, когда внутрь красных капель впрыгивали рдяные искры, – человек, запрокидывая бокал, случайно заметил, что у дна его какой-то зигзаг, сочетание знаков, пожалуй, букв. Но проступь знаков тотчас же задернулась новым наплывом вина,

подступившего к самому верху бокала. Человек опять опорожнил бокал, стараясь схватить глазом убегающие буквы. Но темно-красная жидкость вновь задержалась раньше, чем он успел выхватить смысл надписи. Помнилась только первая альфовидная буква – и смутное ощущение десяти или одиннадцати знаков, следовавших за ней.

«Еще раз», – подумал человек и снова быстро выпил бокал. Где-то из середины – тонкой мачтой с реей поперек – взметнулось, – и через мгновение слово затонуло в вине, как корабль, давший пробоину. Человек еще раз поднял бокал к губам. Он пил медленно, с усилием. Слово, шевеля одиннадцатью буквами, вливалось в глаза, но их задержало мутью, и человек не мог понять, что он видит.

С этого дня началась игра глаза с бокалом. Шансы были явно неравными. От двух-трех толчков алкоголя мозг задерживало в дымчатый туман. Человек, ставший собственником непрочитанной надписи, редко когда переступал теперь порог своего дома. На подоконниках его окон на палецросло пыли. Занавеси не разжимали своих желтых век. Владелец дымчатого бокала редко расставался со своим стеклянным гостем. Лишь раз или два его видели идущим вдоль набережной; пуговицы пальто были встегнуты криво, не в свои петли; он шел, не замечая поклонов, не слыша окликов.

В лавку антиквара вошел сутулый, с серой щетиной на щеках человек. К нему любезно пододвинулся стул, но вошедший продолжал стоять.

– Чем могу служить?

– Есть ли у вас дубликат того, дымчатого?

– Яснее.

– Дымчатого бокала. Я ближе к нищете, чем к бедности.

Но вы тогда, помните, зачеркнули ноль. И если...

– Виноват, я вижу вас в первый раз. Тут, через площадь, другой антикварный магазин. Наверно...

– Нет. Та же шапочка и... Улыбнитесь!

– То есть?

– Без «то есть». Ну вот: те же золотые пломбы, тот же лисий оскал. Ошибки нет. Притом же, когда я его бросил, невыпиваемый бокал, в реку, с моста Святого Стефана, самая река... но это меж четырех ушей, иначе... Вот.

Посетитель сунул руку в пальто и вынул бутылочку. Повернул ей притертую пробку:

– Вот. На другой же день я спустился к реке и взял пробу. Вот эту. Оказывается, у него, у дымчатого, хватило силы окрасить воду Дуная, всего Дуная (каково?) в кровянисто-красноватый цвет. Кстати, у нее стал чуть терпкий вкус. Не верите? Глотните. Не хочешь? Так я заставлю тебя...

Только прилавок разделял двоих. Но зазвучал наддверный звонок, и в магазин вошел третий. На нем была аккуратно пригнанная шуцмановская форма.

– А-а, – радостно протянул антиквар, щедро распахивая золотой рот, – вы по поводу налога? Охотно-охотно... Ну, а вы, – повернулся он к посетителю, все еще державшему в руках пробу, – вам через площадь! «Antiquités»¹ – черным по желтому. Ошиблись дверью.

Посетитель, хмуря брови, спрятал бутылочку, предварительно аккуратно затиснув ее горло пробкой, потом спросил: – И много их, этих... дверей?

Антиквар поднял плечи. Шуцман только брови.

Посетитель шагнул за порог.

* * *

Дня через два знакомый нам хозяин антикварной лавки, просматривая газетную хронику, наткнулся на строку: «Вчера с моста Св. Стефана бросился в...»

Наддверный колокольчик оборвал чтение.

¹ «Антиквариат» (фр.).